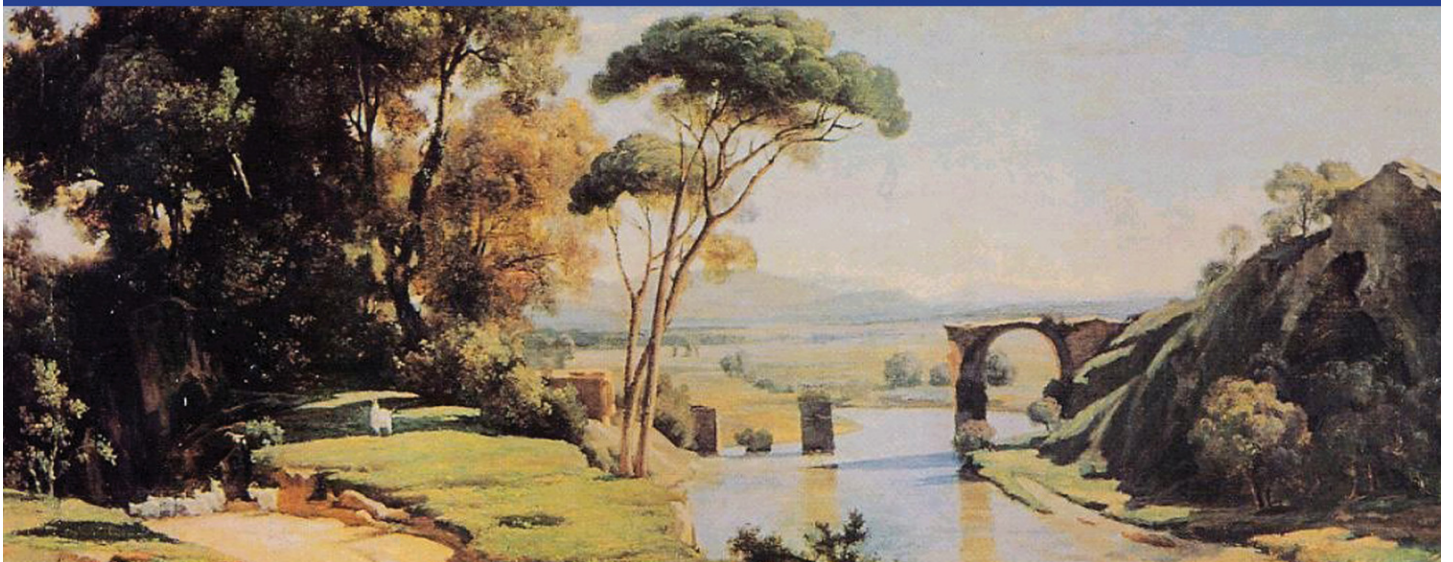

Стендаль

Любовный напиток

(сборник)

ФТМ

Стендаль (Мари-Анри Бейль)
Любовный напиток (сборник)

Стендаль (Мари-Анри Бейль)

Любовный напиток (сборник) / Стендаль (Мари-Анри Бейль) —
«ФТМ»,

В настоящее издание входят новеллы Стендаля «Любовный напиток», «Ванина Ванини», «Федер, или Денежный муж», «Герцогиня ди Паллиано» и «Виттория Аккорамбони», являющиеся прекрасными образцами классической французской любовной прозы.

© Стендаль (Мари-Анри Бейль)

© ФТМ

Содержание

Любовный напиток	5
Ванина Ванини, или Некоторые подробности о последней венте карбонариев, раскрытой в Папской области	14
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Стендаль

Любовный напиток (сборник)

Любовный напиток (в переводе Д. Лившиц)

(С итальянского, подражание Сильвии Малаперта)

В одну темную и дождливую ночь лета 182* года молодой лейтенант 96-го полка, стоявшего гарнизоном в Бордо, возвращался из кафе, где он только что проиграл все свои деньги. Он проклинал свою глупость, так как был беден.

Молча шел он по одной из самых пустынных улиц Лормондского квартала, как вдруг услышал крики. Дверь одного дома с грохотом распахнулась, из нее выбежал человек и упал у его ног. Было до того темно, что лишь по шуму можно было судить о том, что происходило. Преследователи – разглядеть их было невозможно – остановились на пороге, очевидно, услышав шаги молодого офицера.

С минуту он прислушивался; люди тихо переговаривались между собой, но не подходили ближе. Как ни велико было отвращение, которое внушала Льевену эта сцена, он счел своим долгом поднять упавшего человека.

Он заметил, что человек этот был полураздет; несмотря на глубокий мрак – было около двух часов ночи, – ему показалось, что он видит длинные, распустившиеся волосы: значит, это была женщина. Такое открытие не доставило ему ни малейшего удовольствия.

Женщина, видимо, была в таком состоянии, что не могла идти без посторонней помощи. Чтобы не покинуть ее, Льевену пришлось вспомнить о долге, который предписывает нам человеколюбие.

Он представил себе досадную необходимость явиться на следующий день к полицейскому комиссару, шутки приятелей, сатирические описания этого случая в местных газетах. «Посажу ее у дверей какого-нибудь дома, – решил он, – позвоню и сейчас же уйду».

Льевен уже собирался привести свое намерение в исполнение, как вдруг женщина с жалобным стоном прошептала что-то по-испански. Он совершенно не знал испанского языка. Быть может, именно поэтому два самых обыкновенных слова, произнесенных Леонорой, настроили его на романтический лад. Он уже не думал ни о полицейском комиссаре, ни о проститутке, побитой пьяницами; воображение навяло ему грезы о любви и необыкновенных приключениях.

Льевен поднял женщину и попытался успокоить ее. «А что, если она некрасива?» – подумал он внезапно. Эта мысль вернула ему благоразумие и заставила забыть о любовных мечтах.

Льевен хотел усадить женщину на пороге какой-то двери, но она не согласилась.

– Идемте дальше, – сказала она по-французски с сильным иностранным акцентом.

– Вы боитесь вашего мужа? – спросил Льевен.

– Увы! Я бросила мужа, хотя это был достойнейший человек и обожал меня, и ушла к любовнику, а тот выгнал меня с бесчеловечной жестокостью.

Услышав эту фразу, Льевен забыл о полицейском комиссаре и о неприятностях, которые могло повлечь за собой ночное приключение.

– Меня обокрали, – сказала Леонора спустя несколько минут, – но, как я вижу, у меня еще осталось кольцо с небольшим бриллиантом. Быть может, хозяин какой-нибудь гостиницы согласится меня приютить. Но, сударь, я стану всеобщим посмешищем, потому что, должна вам признаться, я в одной рубашке. Мне надо бежать, не то я бросилась бы к вашим ногам и

стала бы умолять вас сжалиться надо мной и проводить до дверей первого попавшегося дома, где я могла бы купить простое платье у какой-нибудь бедной женщины. . . Когда я буду одета, – добавила она, ободренная молчанием молодого офицера, – вы сможете довести меня до первой попавшейся гостиницы. Там я перестану звать к помощи великодушного человека и попрошу вас оставить несчастную женщину на произвол судьбы.

Все это, сказанное на скверном французском языке, произвело на Льевена благоприятное впечатление.

– Сударыня, – ответил он, – я сделаю все, что вы мне прикажете. Однако сейчас самое существенное как для вас, так и для меня заключается в том, чтобы нас не арестовали. Мое имя – Льевен, я лейтенант 96-го полка, если мы повстречаемся с патрулем не моего полка, нас отведут на гауптвахту, где нам придется провести ночь, а завтра, сударыня, мы станем посмешищем всего Бордо.

Льевен почувствовал, как вздрогнула Леонора, опиравшаяся на его руку. «Эта боязнь скандала – хороший признак», – подумал он.

– Будьте добры накинуть мой сюртук, – сказал он даме, – я отведу вас к себе.

– О боже! Сударь!..

– Я не зажгу огня, клянусь вам честью. Моя комната будет в полном вашем распоряжении, я уйду и приду снова не раньше завтрашнего утра. Но утром мне непременно придется прийти, так как в шесть часов обычно является мой сержант, а он будет стучать до тех пор, пока ему не отопрут. . . Вы имеете дело с порядочным человеком.

«Но красива ли она?» – спрашивал себя Льевен.

Он отворил входную дверь своего дома. Незнакомка чуть не упала на площадке, запнувшись о первую ступеньку лестницы. Льевен разговаривал с ней шепотом; она отвечала так же.

– Какое безобразие! Приводить в мой дом женщин! – пронзительным голосом крикнула довольно хорошенькая трактирщица, которая вышла отворить дверь с маленькой лампой в руке.

Льевен быстро повернулся к знакомке, увидел прелестное лицо и задул лампу хозяйки.

– Замолчите, госпожа Сосед, или я выведу от вас завтра же утром! Вы получите десять франков, если никому ничего не скажете. Эта дама – жена полковника, и я сейчас же снова уйду отсюда.

Льевен поднялся на четвертый этаж. Открывая дверь своей комнаты, он дрожал.

– Входите, сударыня, – сказал он женщине в рубашке. – Около стенных часов лежит фосфорное огниво. Зажгите свечу, затопите камин и запритесь. Я уважаю вас, как сестру, и не приду до утра; я принесу платье.

– *Jesús María!*¹ – вскричала прекрасная испанка.

Когда на следующее утро Льевен стучался в дверь, он был влюблен до безумия. Чтобы не разбудить знакомку слишком рано, он долго и терпеливо ждал своего сержанта у дверей, а бумаги подписывал в кафе.

Он успел снять комнату по соседству и теперь принес знакомке платье и даже маску.

– Так что, сударыня, если вы этого потребуете, я не увижу вашего лица, – сказал он, стоя за дверью.

Мысль о маске понравилась молодой испанке и немного отвлекла ее от горестных размышлений.

– Вы так великодушны, – сказала она, не отворяя, – что я беру на себя смелость попросить вас оставить сверток с платьем за дверью. Когда я услышу, что вы спускаетесь по лестнице, я его возьму.

– Прощайте, сударыня, – сказал Льевен, уходя.

¹ Иисусе Мария! (исп.)

Леонора была настолько очарована его покорностью, что сказала ему дружески и почти нежно:

– Если сможете, сударь, приходите через полчаса.

Вернувшись, Льевен нашел Леонору в маске; но он увидел прелестные плечи, шею, руки. Он был восхищен.

Льевен был молодой человек из хорошей семьи, и ему приходилось еще делать над собой усилие, чтобы быть смелым в обращении с женщинами, которые ему нравились. Тон его был так почтителен, он так мило и радушно принимал гостью в своей маленькой, бедной комнатке, что его ждала награда. Приладив какую-то ширму и обернувшись, он замер в восхищении: перед ним стояла прекраснейшая женщина, какую ему когда-либо приходилось видеть. Молодая испанка сняла маску; ее черные глаза, казалось, говорили. Быть может, в условиях обыденной жизни они показались бы суровыми из-за выражавшейся в них силы характера. Отчаяние придало им некоторую мягкость, и можно сказать, что красота Леоноры была совершенна. По мнению Льевена, ей было от восемнадцати до двадцати лет. Наступила минута молчания. Несмотря на свою глубокую скорбь, Леонора не могла не испытать удовольствия, заметив восхищение молодого офицера, видимо, принадлежавшего к лучшему обществу.

– Вы мой благодетель, – сказала она ему наконец, – и я надеюсь, что, несмотря на мою и вашу молодость, вы будете продолжать вести себя как должно.

Льевен ответил так, как только мог ответить самый пылкий влюбленный, но он достаточно владел собой, чтобы отказаться от счастья признаться ей в своей любви. К тому же в глазах Леоноры было нечто, внушавшее такое уважение, и вся ее внешность, несмотря на убогое платье, которое она надела, была настолько благородна, что это придало ему силы быть благоразумным.

«Уж лучше пусть она сочтет меня за полнейшего простака», – подумал он.

Итак, он отдался своей застенчивости и райскому наслаждению безмолвно созерцать Леонору. Это было лучшее, что он мог сделать. Такое поведение понемногу успокоило прекрасную испанку. Они были очень забавны, когда сидели так, в молчании глядя друг на друга.

– Я бы хотела достать шляпу простолюдинки, такую, которая закрывала бы все лицо, – сказала она ему, – ведь не могу же я пользоваться вашей маской на улице! – добавила она почти весело.

Льевен раздобыл шляпу; затем он проводил Леонору в комнату, которую снял для нее. Его волнение, почти счастье, еще усилилось, когда она сказала ему:

– Все это может кончиться для меня эшафотом.

– Чтобы оказать вам услугу, – сказал ей Льевен с величайшей пылкостью, – я готов броситься в огонь. Эту комнату я снял на имя госпожи Льевен, моей жены.

– Вашей жены? – повторила незнакомка почти с гневом.

– Надо было либо назвать это имя, либо показать паспорт, которого у нас нет.

Это «нас» делало его счастливым. Он успел продать кольцо или, во всяком случае, вручил незнакомке сто франков, являвшиеся его стоимостью. Принесли завтрак; незнакомка попросила Льевена сесть.

– Вы проявили величайшее великодушие, – сказала она ему после завтрака. – Теперь, если хотите, оставьте меня. Мое сердце сохранит к вам вечную признательность.

– Я повинуюсь! – сказал Льевен, вставая.

Он испытывал смертельное отчаяние. Незнакомка, по-видимому, глубоко задумалась о чем-то; затем она сказала:

– Оставайтесь. Вы очень молоды, но – что делать? – я нуждаюсь в поддержке. Как знать, смогу ли я найти другого человека, столь же великодушного? К тому же, если бы вы и питали ко мне чувство, на которое я уже не имею права рассчитывать, то рассказ о моих проступках быстро лишит меня вашего уважения и отнимет у вас всякий интерес к преступнейшей из

женщин. Ибо я, сударь, во всем виновата сама. Я не могу пожаловаться на кого бы то ни было и менее всего на дон Гутьерре Феррандеса, моего мужа. Это один из тех несчастных испанцев, которые два года тому назад нашли приют во Франции.² Оба мы родом из Картахены, но он очень богат, а я была очень бедна. «Я на тридцать лет старше вас, дорогая Леонора, – сказал он мне, отведя меня в сторону накануне нашей свадьбы, – но у меня есть несколько миллионов, и я люблю вас до безумия, так, как никогда еще не любил. Подумайте и сделайте выбор: если из-за моего возраста брак этот будет для вас невыносимым, я приму на себя перед вашими родителями всю вину». Это было, сударь, четыре года назад. Мне было пятнадцать лет. В то время я больше всего страдала от чудовищной бедности, в которую ввергла мою семью революция кортесов.³ Я не любила, и все же я согласилась. Теперь мне необходимы ваши советы, сударь, потому что я не знаю обычаев этой страны и даже, как видите, не знаю вашего языка. Я терзаюсь от стыда, но не могу обойтись без вашей помощи... Этой ночью, видя, как меня выгоняли из того жалкого дома, вы могли подумать, что спасаете женщину дурного поведения. Так знайте же, сударь, я еще хуже. Да, я самая преступная и самая несчастная из женщин, – добавила Леонора, заливаясь слезами. – Быть может, в ближайшие же дни вы увидите меня перед вашим судом, и я буду приговорена к какому-нибудь позорному наказанию... Сразу же после свадьбы дон Гутьерре начал меня ревновать. О боже, тогда у него не было для этого причин, но, как видно, он разгадал то дурное, что во мне таилось! Я имела глупость страшно рассердиться на подозрения мужа, самолюбие мое было оскорблено. Ах, я несчастная!

– Пусть вы виновны в самых тяжких преступлениях, – сказал Льевен, прерывая ее, – все равно я останусь предан вам до гробовой доски. Однако, если нам надо опасаться преследований жандармов, скажите мне об этом скорее, чтобы я мог, не теряя времени, устроить ваш побег.

– Бежать? – сказала она ему. – Но разве могла бы я путешествовать по Франции? Мой испанский акцент, моя молодость, мое смущение выдадут меня первому же жандарму, который потребует от меня паспорт. Бордоские жандармы уже, наверно, ищут меня в эту минуту. Я убеждена, что муж пообещал им груды золота, только бы они меня нашли. Оставьте меня, сударь, покиньте меня!.. Сейчас я расскажу вам нечто еще более ужасное. Я обожаю человека, который не муж мне, и какого человека! Это – чудовище, вы будете презирать его. Так вот, стоит ему обратиться ко мне с одним словом раскаяния – и я не то что кинусь в его объятия, я брошусь к его ногам. Я скажу вам еще одну вещь. Быть может, она будет и неуместной, но, несмотря на бездну позора, в которую я упала, я не хочу обманывать моего благодетеля. Сударь, вы видите перед собой несчастную, которая восхищается вами, которая преисполнена признательности, но которая никогда не сможет вас полюбить.

Льевену стало очень грустно.

– Сударыня, – произнес он наконец слабым голосом, – не примите внезапную печаль, охватившую мое сердце, за намерение вас покинуть. Я думаю о том, как избавить вас от жандармов. Пожалуй, безопаснее всего будет для вас продолжать скрываться в Бордо. Через некоторое время я предложу вам сесть на пароход вместо другой женщины, такой же молодой и такой же красивой, как вы; билет для нее я закажу заранее.

Когда Льевен договаривал эту фразу, взор его казался совершенно угасшим.

– Дон Гутьерре Феррандес, – продолжала Леонора, – возбудил подозрения партии, тиранически управляющей Испанией. Мы часто совершали морские прогулки. Однажды мы встретили в открытом море небольшой французский бриг. «Сядем на него, – сказал мне муж, – бросим все имущество, какое у нас есть в Картахене». Мы отплыли. Мой муж все еще очень богат;

² В 1823 году французские войска вступили на территорию Испании и уничтожили конституционный образ правления. Тотчас же по восстановлении абсолютизма в Испании начался сильнейший террор, и многие испанцы, придерживавшиеся либеральных взглядов, бежали во Францию. Судя по этим словам, действие новеллы происходит приблизительно в 1825 году.

³ *Революция кортесов* – то есть революция 1820 года, в результате которой было учреждено представительное правление.

он снял в Бордо великолепный дом и возобновил свои торговые дела, но мы живем в полном уединении. Он не разрешает мне бывать во французском обществе. Особенно в последний год, ссылаясь на то, что политические соображения не позволяют ему встречаться с либералами, он заставил меня все время сидеть дома взаперти. Я умирала со скуки. Мой муж достоин всяческого уважения, это великодушнейший человек в мире, но он никому не доверяет и все видит в черном свете. К несчастью, несколько месяцев назад он уступил моей просьбе и взял ложу в театре. Чтобы скрыть меня от взглядов местных молодых людей, он выбрал самую плохую ложу, выходящую прямо на сцену. Недавно в Бордо прибыла труппа неаполитанских наездников... Ах, сударь, как вы будете меня презирать!

– Сударыня, – ответил Льевен, – я слушаю вас с большим вниманием, но не перестаю думать о своем несчастье. Вы навеки полюбили человека, который счастливее меня.

– Вы, может быть, слышали о знаменитом Майрале? – спросила Леонора, опуская глаза.

– Испанском наезднике? Разумеется, – с удивлением ответил Льевен. – Он возбудил интерес всего Бордо. Это очень ловкий, очень красивый юноша.

– Увы, сударь, я решила, что это не какой-нибудь простолюдин. Прodelывая свои трюки верхом на лошади, он непрерывно смотрел на меня. Однажды, проезжая под нашей ложей, откуда только что вышел мой муж, он сказал мне по-каталонски: «Я капитан армии Маркесито, и я обожаю вас».

Быть любимой циркачом! Какой ужас, сударь! И еще бóльшим позором было то, что я могла думать об этом без ужаса. В течение нескольких дней я заставляла себя не ездить в театр. Что сказать вам, сударь? Я чувствовала себя очень несчастной. Однажды моя горничная шепнула мне: «Господин Феррандес вышел. Умоляю вас, сударыня, прочтите эту записку», – и она убежала, запев дверь на ключ. Это было любовное письмо от Майраля. Он рассказывал мне историю своей жизни, уверял, будто он бедный офицер, которого только крайняя бедность заставила заняться таким ремеслом, и обещал бросить его ради меня. Настоящее его имя было дон Родриго Пиментель. Я снова пошла в театр. Мало-помалу я поверила в несчастья Майраля, для меня стало радостью получать его письма. Увы, в конце концов я стала отвечать ему. Я полюбила его со страстью, с такой страстью, – добавила донья Леонора, заливаясь слезами, – которую не могло погасить ничто, даже самые печальные разоблачения... Я уже готова была уступить его мольбам и теперь не меньше, чем он, жаждала встречи. Однако к этому времени у меня появились кое-какие подозрения. Порой мне казалось, что, быть может, Майраль вовсе не Пиментель и не офицер из отряда Маркесито. В нем было недостаточно развито чувство собственного достоинства, он неоднократно высказывал мне опасение, что я только дурачу его, жалкого наездника из труппы неаполитанских прыгунов.

Месяца два назад, когда мы с мужем собирались поехать в театр, муж получил извещение, что один из его кораблей потерпел крушение близ Руайана, где-то в низовьях реки. Он никогда со мной не разговаривал, не произносил, бывало, за целый день и десяти слов, а тут вдруг вскричал: «Придется мне завтра же ехать туда!» Вечером, в театре, я подала Майралу условный знак. Увидев, что мой муж находится в ложе, он отправился за письмом, которое я оставила у привратницы нашего дома. Когда через некоторое время Майраль снова появился на сцене, он сиял от радости: я имела слабость написать ему, что в следующую ночь приму его в комнате нижнего этажа, выходящей в сад.

Муж мой отплыл после прибытия парижской почты, в полдень. Погода была прекрасная, стояли очень жаркие дни. Вечером я сказала, что лягу в спальне мужа, находившейся в нижнем этаже и выходящей в сад, чтобы не так страдать от страшной жары. В час ночи, после того, как я с величайшими предосторожностями открыла окно и ждала Майраля, за дверью раздался сильный шум. Это был мой муж: на полпути в Руайан он заметил, что его корабль спокойно поднимается вверх по Жиронде, направляясь в Бордо.

Войдя в спальню, дон Гутьерре совершенно не заметил моего ужасного волнения. Он похвалил меня за удачную мысль – переночевать в прохладной комнате – и лег рядом со мной.

Вообразите мою тревогу. На беду была светлая, лунная ночь. Не прошло и часа, как я отчетливо увидела Майрала: он стоял у окна. После возвращения мужа я не догадалась закрыть выходящую в сад стеклянную дверь маленькой комнатки, расположенной рядом со спальней. Она была широко распахнута, так же как и дверь, которая вела из этой комнаты в спальню.

Тщетно пыталась я движениями головы – это было все, что я могла себе позволить, находясь рядом со спавшим возле меня ревнивым мужем, – тщетно пыталась я дать понять Майралу, что с нами случилось несчастье. Я услышала, как он входит в соседнюю комнатку, и вот он стоит возле кровати, с той стороны, где лежу я. Вообразите мой ужас: было светло, как днем. К счастью, Майраль не произнес ни слова.

Я указала ему на спавшего рядом со мной мужа. Вдруг я увидела, что Майраль вынимает кинжал. Вне себя от страха я наполовину приподнялась; он нагнулся и сказал мне на ухо:

– Это ваш любовник, я понимаю, что пришел некстати. Впрочем, вам, очевидно, показалось забавным подшутить над бедным наездником. Так или иначе, но этому красавчику придется плохо.

– Это мой муж, – шепотом повторяла я ему и удерживала его руку изо всех сил.

– Ваш муж, который сегодня в полдень, у меня на глазах, сел на пароход, отходивший в Руайан? Неаполитанский прыгун не так глуп, чтобы этому поверить. Вставайте; мы поговорим с вами в соседней комнате, я этого требую! В противном случае я разбужу этого человека, и, быть может, тогда он назовет свое имя. Я сильнее, проворнее, я лучше вооружен и, несмотря на свою бедность, сумею доказать ему, что со мной шутки плохи. Я хочу быть вашим любовником, черт побери! Тогда в дураках останется он, а не я.

В эту минуту муж проснулся.

– Кто произнес здесь слово «любовник»? – вскричал он в тревоге.

Майраль, который шептал мне на ухо, держа меня в объятиях, вовремя заметил это неожиданное движение и успел нагнуться. Я же протянула руку, как будто голос мужа разбудил меня, и сказала ему несколько слов, которые вполне убедили Майрала в том, что это был мой муж. Дон Гутьерре решил, что ему это привиделось во сне, и заснул снова. Обнаженный кинжал Майрала все еще поблескивал в лучах луны, которые в этот момент отвесно падали на постель. Я обещала Майралу все, чего он желал. Он требовал, чтобы я прошла вместе с ним в соседнюю комнату.

– Хорошо, пусть это будет ваш муж, но мое положение от этого не становится менее глупым, – повторял он в гневе.

Наконец, пробыв у меня около часа, он ушел.

Поверите ли вы мне, сударь, если я скажу, что нелепое поведение Майрала почти открыло мне глаза, но ничуть не уменьшило моей любви к нему?

Муж никогда не бывал в обществе и почти не разлучался со мной. Устроить второе свидание, которое я клятвенно обещала подарить Майралу, было невероятно трудно.

Он писал мне письма, полные упреков; в театре он делал вид, что не смотрит на меня. В конце концов моя роковая любовь перешла все границы.

«Приходите в тот день, когда люди собираются на бирже, если вы встретите там моего мужа, – написала я ему, – и я спрячу вас. Если в течение дня случай позволит мне, мы повидаемся. Если нам посчастливится и муж уйдет на биржу и на следующий день, я снова увижусь с вами; если же нет, вы, по крайней мере, получите доказательство моей преданности и несправедливости ваших подозрений. Подумайте, какой опасности я подвергаю себя ради вас».

Это было ответом на его постоянные страхи: он думал, что я выбрала себе в обществе другого любовника и вместе с ним насмехаюсь над бедным неаполитанским прыгуном. Один из его приятелей наговорил ему по этому поводу каких-то нелепостей.

Неделю спустя муж ушел на биржу. Майраль перелез через садовую ограду и вошел ко мне среди белого дня. Вы видите, чему я себя подвергала! Мы не пробыли вместе и трех минут, как вернулся муж. Майраль прошел в мою туалетную комнату и спрятался там. Однако дон Гутьерре вернулся домой лишь для того, чтобы захватить нужные бумаги. На наше несчастье, у него был при себе мешочек с португальским золотом. Поленившись спуститься в кассу, он вошел в мою туалетную комнату, положил золото в один из моих шкафов, который запер на ключ, и так как он был очень подозрителен, то вдобавок ко всем этим предосторожностям унес также и ключ от туалетной комнаты. Вообразите мое огорчение! Майраль был взбешен; я могла только переговариваться с ним через дверь.

Вскоре муж вернулся. После обеда он почти насильно увел меня на прогулку. Потом ему захотелось пойти в театр, и, наконец, лишь поздно вечером я смогла вернуться домой. На ночь все двери в доме тщательно запирались, и муж брал к себе все ключи. Лишь совершенно случайно мне удалось, благодаря первому крепкому сну донна Гутьерре, выпустить Майраля из туалетной комнаты, где он так долго томился. Я открыла ему дверь небольшого чердака под крышей, но спуститься оттуда в сад оказалось невозможным. Там были разложены тюки с шерстью, которые охранялись двумя или тремя носильщиками. Весь следующий день Майраль провел на чердаке. Можете себе представить, что я выстрадала: каждую минуту мне казалось, что вот-вот он спустится вниз с кинжалом в руке и проложит себе дорогу, убив моего мужа. Он был способен на все. При малейшем шуме в доме я вздрагивала.

В довершение несчастья муж не пошел на биржу. Мне так и не удалось хотя бы минутку поговорить с Майралем; но я была счастлива уже тем, что наконец мне удалось разослать с поручениями всех носильщиков и улучшить момент, чтобы выпустить Майраля через сад. Проходя по гостиной, он разбил рукояткой кинжала большое зеркало. Он был взбешен.

Я знаю, сударь, вы будете презирать меня не менее, чем я сама себя презираю. С той самой минуты – теперь я это вижу – Майраль разлюбил меня; он решил, что я нарочно поставила его в глупое положение. Муж по-прежнему в меня влюблен; в тот день он много раз целовал и обнимал меня. Майраль, страдавший от оскорбленного самолюбия больше, чем от любви, вообразил, что я спрятала его лишь для того, чтобы сделать свидетелем этих нежностей.

Он перестал отвечать на мои письма; во время представления он не удостоивал меня теперь даже взглядом.

– Вам, наверно, надоело, сударь, слушать перечисление всех этих мерзостей. Но вот самая безобразная и самая низкая.

Неделю тому назад труппа неаполитанских наездников объявила о своем близком отъезде. В прошлый понедельник, в день святого Августина, обезумев от любви к человеку, который в течение трех недель после приключения, пережитого в моем доме, не удостоивал меня ни взглядом, ни ответом на письма, я убежала из дома лучшего из мужей. При этом, сударь, я обокрала его, я, ничего не принеся ему в приданое, кроме неверного сердца. Я унесла с собой все подаренные им бриллианты и взяла из его кассы три или четыре свертка по пятьсот франков, так как боялась, что Майраль, продавая бриллианты, может возбудить в Бордо подозрения.

На этом месте своего рассказа донья Леонора сильно покраснела. Льевен был бледен и полон отчаяния. Каждое слово Леоноры пронзало ему сердце, и, тем не менее, в силу какого-то ужасного извращения чувств, каждое из этих слов усиливало пылавшую в его сердце любовь.

Не помня себя, он взял руку доньи Леоноры; она не отнимала ее. «Как низко с моей стороны, – говорил себе Льевен, – наслаждаться прикосновением этой руки, в то время как Леонора откровенно рассказывает мне о своей любви к другому! Она не отнимает руки исключительно из презрения или же по рассеянности, а я – самое грубое существо в мире».

– В прошлый понедельник, – продолжала Леонора, – четыре дня назад, около двух часов ночи, я имела низость усыпить мужа и привратника с помощью опия, а потом убежала. Я посту-

чалась в дверь того самого дома, откуда мне с таким трудом удалось выбраться сегодня ночью как раз тогда, когда вы проходили мимо. Это был дом, где жил Майраль.

– Теперь ты поверишь моей любви к тебе? – спросила я, подойдя к нему.

Я была пьяна от счастья. Он же с первой минуты показался мне скорее удивленным, нежели любящим.

На следующее утро, когда я отдала ему мои бриллианты и золото, он решил покинуть труппу и бежать со мной в Испанию. Но, боже великий! Его незнание некоторых обычаев моей родины открыло мне, что он не испанец.

– Как видно, – говорила я себе, – я навсегда соединила свою судьбу с судьбой простого циркового наездника! Ну что ж, не все ли равно, если он меня любит? Я чувствую, что он властелин моей жизни. Я стану его служанкой, его верной женой. Он будет продолжать заниматься своим ремеслом. Я молода, если понадобится, я тоже научусь ездить верхом. Если к старости мы впадем в нищету, что из того? Через двадцать лет я умру от нищеты рядом с ним. Обо мне не придется сожалеть: я умру, узнав, что такое счастье!

– Какое безумие! Какая испорченность! – вскричала Леонора, прерывая свой рассказ.

– Надо признать, – сказал Льевен, – что вы умирали от скуки со своим старым мужем: ведь он держал вас взаперти. В моих глазах это во многом вас оправдывает. Вам всего девятнадцать лет, а ему пятьдесят девять. Сколько женщин на моей родине пользуются уважением в обществе и не испытывают ваших благородных угрызений совести, совершая куда более серьезные проступки!

Несколько фраз в этом роде, видимо, сняли с души Леоноры тяжелое бремя.

– Сударь, – продолжала она, – я провела с Майралем три дня. По вечерам он уходил от меня в свой театр. Вчера вечером он сказал мне:

– Полиция может сделать у меня обыск, поэтому я спрячу ваши бриллианты и деньги у верного друга.

В час ночи, после того как я прождала его гораздо дольше обычного, терзаясь мыслью, что он, может быть, упал с лошади, он явился, поцеловал меня и снова вышел из комнаты. К счастью, я оставила свет, хотя он дважды запрещал мне это и хотел даже погасить ночник. Спустя долгое время – я уже спала – какой-то мужчина лег ко мне в постель, и я сразу почувствовала, что это не Майраль.

Я схватила кинжал. Негодяй испугался; он упал к моим ногам и стал умолять о пощаде. Я бросилась к нему, чтобы убить его.

– Только троньте меня, и вы попадете на гильотину, – сказал он.

Низость этой угрозы вызвала у меня отвращение.

«Вот с какими людьми я опозорила себя!» – подумала я.

У меня хватило присутствия духа сказать этому человеку, что в Бордо у меня есть покровители и что генеральный прокурор арестует его, если он не откроет мне всю правду.

– Хорошо, – ответил он, – знайте же, что я не принимал участия в краже вашего золота и бриллиантов. Майраль только что выехал из Бордо. Он отправился в Париж со своей добычей. Он уехал с женой нашего директора: двадцать пять из ваших кругленьких луидоров он отдал директору за то, что тот уступил ему свою жену. Мне он дал два луидора. Вот они, я готов возратить их вам, но, может быть, вы будете настолько великодушны и оставите их мне? Когда Майраль давал мне эти деньги, он приказал продержать вас здесь как можно дольше: ему хотелось выиграть часов двадцать или тридцать.

– Он испанец? – спросила я.

– Испанец? Какое там! Он родом из Сан-Доминго и бежал оттуда после того, как обокрал или убил своего хозяина.

– Зачем он приходил сюда сегодня вечером? – спросила я. – Отвечай, или мой дядя отправит тебя на галеры.

– Я не решался идти сюда сторожить вас. Тогда Майраль сказал мне, что вы очень красивая женщина. «Нет ничего легче, – добавил он, – как занять мое место рядом с ней. Это будет забавно: когда-то ей вздумалось одурачить меня, теперь я одурачу ее». Услыхав это, я согласился. Однако у меня все еще не хватало смелости. Тогда он остановил почтовую карету у самых дверей, вошел в дом и поцеловал вас на моих глазах; меня он спрятал возле постели.

Тут рыдания снова заглушили голос Леоноры.

– Говоривший со мной молодой прыгун, – продолжала она, – был напуган и сообщил мне самые правдивые и самые позорные подробности о Майрале. Я была в отчаянии.

«Уж не опоил ли он меня каким-нибудь *любовным зельем*? – думала я. – Я не в силах ненавидеть его».

– Да, несмотря на все эти низости, сударь, я не в силах его ненавидеть; я чувствую, что обожаю его.

Тут донья Леонора умолкла.

«Странное ослепление! – подумал Льевен. – Такая умная и такая молодая женщина способна верить в колдовство!»

– Когда этот человек увидел, что я задумалась, – продолжала Леонора, – страх его начал проходить. Внезапно он вышел из комнаты и через час вернулся с одним из своих приятелей. Мне пришлось защищаться. Борьба была нелегкой. Быть может, они хотели лишит меня жизни, хотя и делали вид, что добиваются другого. Они отняли у меня несколько ценных безделушек и кошельки. Наконец мне удалось добраться до наружной двери, но если бы не вы, сударь, они бы, наверно, продолжали преследовать меня даже на улице.

Чем яснее видел Льевен неистовую любовь Леоноры к Майралю, тем сильнее становилась его страсть. Она много плакала; он целовал ее руки.

– Знаете ли вы, мой истинный друг, – сказала она ему через несколько дней, когда он в туманных выражениях говорил ей о своей любви, – мне кажется, сумею я доказать Майралю, что никогда не пыталась высмеять и одурачить его, быть может, он и полюбил бы меня!

– У меня очень мало денег, – ответил Льевен, – от скуки я сделался игроком. Но, быть может, бордоский банкир, которому меня рекомендовал мой отец, не откажет выдать мне пятнадцать или двадцать луидоров, если я буду умолять его об этом. Я готов на все, даже на подлость; с этими деньгами вы сможете поехать в Париж.

Леонора бросилась к нему на шею.

– Боже великий! Почему я не могу полюбить вас? Как! Вы прощаете мне мои ужасные безумства?

– До такой степени, что я бы с восторгом женился на вас, прожил с вами всю жизнь и считал бы себя счастливейшим из смертных.

– Но если я снова встречу Майраля, я буду настолько безумна и преступна, что покину вас, моего благодетеля, и упаду к его ногам, я это чувствую.

Льевен покраснел от гнева.

– Мне остается лишь одно средство, чтобы излечиться, – сказал он, покрывая ее поцелуями, – убить себя.

– Ах, нет, не делай этого, друг мой! – говорила она.

После этого никто больше его не видел. Леонора стала монахиней в монастыре урсулинок.

Ванина Ванини, или Некоторые подробности о последней венте карбонариев, раскрытой в Папской области (в переводе Н. Немчиновой)

Это случилось весенним вечером 182* года. Весь Рим был охвачен волнением: пресловутый банкир герцог де Б... давал бал в новом своем дворце на Венецианской площади. В убранстве этого дворца сочеталось все великолепие искусства Италии и все ухищрения лондонской и парижской роскоши. Съехалось множество гостей. Английские аристократки – чопорные белокурые красавицы – сочли за честь появиться на балу у банкира. Они слетелись целым роєм. Красивейшие женщины Рима соперничали с ними прелестью.

В залу вошла под руку с отцом молодая девушка: сверкающие глаза и волосы, черные, как вороново крыло, изобличали в ней римлянку; все взгляды устремились на нее. В каждом ее движении сквозила необычайная гордость.

Гостей-иностранцев поражала пышность этого бала. «Никакие празднества монархов Европы не могут с ним сравниться», – говорили они.

У монархов Европы нет дворцов, созданных итальянским зодчеством; они вынуждены приглашать своих придворных дам, между тем как герцог де Б... приглашал только красивых женщин. В этот вечер его выбор оказался особенно удачен: мужчины были ослеплены. Собрались столько пленительных женщин, что трудно было решить, кому отдать пальму первенства. Но после недолгих колебаний царицей бала единодушно провозгласили княжну Ванину Ванини, черноволосую девушку с огненным взором. Тотчас же иностранцы и молодые римляне, покинув гостиные, столпились в бальной зале.

Отец девушки, князь Аздрубале Ванини, пожелал, чтобы она прежде всего протанцевала с двумя-тремя немецкими владетельными принцами. Затем она приняла приглашение нескольких англичан, весьма красивых и весьма знатных, но их накрахмаленный вид наскучил ей. Больше удовольствия ей, казалось, доставляло мучить молодого Ливио Савелли, по-видимому, страстно в нее влюбленного. Ливио был одним из самых блестящих молодых людей в римском обществе и тоже носил княжеский титул; но, если б ему дали почитать какой-нибудь роман, он на двадцатой странице отбросил бы книгу, заявив, что у него разболелась голова; в глазах Ванины это было большим недостатком.

Около полуночи на балу распространилась новость, которая вызвала много разговоров. В этот самый вечер из крепости Святого Ангела⁴ бежал, перерядившись, содержавшийся в заключении молодой карбонарий; уже достигнув последних ворот тюрьмы, он в пылу романтической отваги напал с кинжалом на солдат охраны, но его самого тоже ранили. Сбирь⁵ гонятся за ним по кровавым следам и надеются поймать его.

Пока все толковали об этом побеге, дон Ливио Савелли, восхищенный прелестью и успехом Ванины, почти обезумев от любви, воскликнул, провожая ее к креслу после танцев:

– Но скажите, бога ради, кто мог бы понравиться вам?

– Молодой карбонарий, бежавший сегодня из крепости. По крайней мере он что-то совершил, а не только дал себе труд родиться.⁶

⁴ *Крепость Святого Ангела* – старинная тюрьма в Риме.

⁵ *Сбирь* – полицейские стражники.

⁶ *Дал себе труд родиться* – слова Фигаро из комедии Бомарше «Женитьба Фигаро» (действие V, явление 3-е).

Князь Аздрубале подошел к дочери. Этот богач уже двадцать лет не требовал отчета от своего управителя, а тот давал ему в долг под весьма высокие проценты его же собственные деньги. Встретив князя на улице, вы приняли бы его за старого актера; вы даже не заметили бы, что пальцы у него унизаны массивными перстнями с очень крупными бриллиантами. Оба его сына вступили в орден иезуитов,⁷ затем сошли с ума и умерли. Он забыл их, а на свою единственную дочь Ванину гневался за то, что она не выходит замуж. Девушке уже девятнадцать лет, а она отвергает самые блестящие партии. В чем тут причина? Причина была та же самая, которая побудила Суллу⁸ отречься от власти: *презрение к римлянам*.

Наутро после бала Ванина заметила, что ее отец, человек на редкость беззаботный, никогда в жизни не бравший в руки ключа, чрезвычайно старательно запер дверь на узкую лесенку, которая вела в комнаты, расположенные на четвертом этаже дворца. Окна этих комнат выходили на террасу, заставленную апельсиновыми деревцами в кадках.

Ванина отправилась в город с визитами; когда она возвращалась, парадный подъезд был загроможден сооружениями для иллюминации, и карета въехала через задний двор. Ванина подняла глаза и, к удивлению своему, увидела, что в одной из комнат, которые так тщательно запер ее отец, отворено окно. Отделавшись от своей компаньонки, она поднялась на чердак и, поискав, нашла там забранное решеткой окошечко напротив террасы с апельсиновыми деревьями. Раскрытое окно, заинтриговавшее ее, было в двух шагах. В комнате, очевидно, кто-то поселился. Но кто?

На следующий день Ванине удалось достать ключ от дверцы, которая вела на террасу с апельсиновыми деревьями. Крадучись, она подошла к окну – оно все еще было открыто. Ванина спряталась за решетчатым ставнем. У задней стены комнаты она увидела кровать. Кто-то лежал на ней. Ванина смутилась, хотела убежать, но вдруг заметила женское платье, брошенное на стул. Присмотревшись, она различила на подушке белокурую голову; лицо показалось ей совсем юным. Теперь она уже не сомневалась, что это женщина. Платье, брошенное на стул, было все в крови; кровь запеклась и на женских туфлях, стоявших на столе. Незнакомка пошевелилась, и тогда Ванина заметила, что она ранена: грудь ей стягивала полотняная повязка, на которой расплылось кровавое пятно; повязку придерживали какие-то тесемки – видно было, что она сделана отнюдь не руками хирурга.

Ванина стала замечать, что теперь ее отец ежедневно около четырех часов дня запирается в своих комнатах, а затем идет навещать незнакомку; он оставался у нее очень недолго, а возвратившись, тотчас же садился в карету и отправлялся к графине Вителлески. Как только он уезжал, Ванина поднималась на маленькую террасу и наблюдала за незнакомкой. Она чувствовала глубокую жалость и симпатию к столь юной, столь несчастной женщине и пыталась разгадать ее историю. Окровавленное платье, брошенное на стул, казалось, было изодрано ударами кинжала. Ванина могла сосчитать на нем дыры.

⁷ *Иезуиты* – могущественный католический монашеский орден, основанный в XII веке.

⁸ *Сулла* (138–78 до н. э.) – вождь аристократической партии в Риме, диктатор. По неизвестным причинам отречься от власти. Здесь Стендаль имеет в виду трагедию Э. Жуи «Сулла» (1819), ситуация которой напоминала недавнее событие – отречение Наполеона.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.